

Подарок Ю. Б. Харитону

Е. Е. МЕШКОВ

В начале первого квартала 1964 г. сектор 3 (ныне – ИФВ) был сильно озабочен – в феврале должен был состояться юбилей Юлия Борисовича Харитона (Ю.Б., как его звали все за глаза), и общественность сектора волновал вопрос: что подарить Харитону?! Все понимали, что на юбилей, да еще Харитону, дарить надо что-то необычное. Но что?! И вот тогда Александр Сергеевич Козырев, начальник отдела 21 (в котором я работал) предложил сделать «взрыв-портрет» Харитона – «отпечатать» на металлической пластине профиль Харитона при помощи слоя взрывчатого вещества (ВВ). В секторе 3, для которого взрыв был (и остается) чем-то вроде «хлеба насущного», эта идея была воспринята с энтузиазмом, но тут же возникли вопросы.

Какой металл использовать? Какое ВВ применить? Какой толщины? Что касается металла, все сошлись во мнении, что это должен быть алюминий. Но как быть с ВВ? Понятно, что слой ВВ должен быть достаточно тонким, иначе взрыв просто разрушит пластину. С другой стороны, его толщина должна быть больше критической, иначе не будет нормальной детонации. Обычные ВВ, имевшиеся в то время в нашем распоряжении (тротил, гексоген и т. д.), имели большую критическую толщину и по этой причине они не годились – при такой толщине слоя ВВ от металлической пластины вместо взрыв-портрета получились бы «рожки да ножки».

И вот тогда Козырев предложил использовать жидкое ВВ (ЖВВ). В то время эпопея с применением ЖВВ в газодинамическом термоядерном синтезе только начиналась, но в отделе 21 уже был опыт работы с таким ВВ, которое обладает рядом уникальных свойств. ЖВВ – это раствор нитробензола в тетранитрометане, и оно детонирует в тонких слоях толщиной в десятые доли миллиметра; кроме этого, и инициировать детонацию такого слоя было просто – достаточно было поднести к пластине с налитым слоем ЖВВ жилу высоковольтного кабеля; при пробое искрой от высоковольтного импульса зазора между жилой и пластиной мгновенно возникает детонация слоя. Но к этому надо добавить, что это ЖВВ является малоприятным веществом – ядовитым, чрезвычайно взрывоопасным, сильно и дурно пахнущим (поэтому в отделе его назы-

вали «вонючкой»). Но именно с этим веществом нам удалось довести наше дело до конца.

Как-то так получилось, что мне довелось принять участие во всей этой истории с самого начала. Для «взрыв-портрета» нужна была фотография юбиляра в профиль и мне было поручено сделать эту фотографию. И вот, получив в фотолаборатории фотоаппарат, я отправился к Ю.Б. Он уже был предупрежден о моем визите; его, кажется, забавляла эта история, он благосклонно принял меня и безропотно выполнял мои указания, где ему встать и как повернуться при съемке.

В результате необходимая фотография была получена. Ее использовали при изготовлении «взрыв-портрета». На алюминиевой пластине формата А4 толщиной около трех сантиметров был накатан слой пластилина в несколько миллиметров толщиной, сверху была помещена аккуратно вырезанная фотография юбиляра в профиль, пластилин за пределами контура фотографии был удален, а по периметру пластины был наклеен бортик из пластилина и в образовавшееся корытце был налит тонкий слой ЖВВ.

Все это происходило почему-то вечером, в «ЖБ» (железобетонном) домике на площадке 19, у меня и сейчас перед глазами стоит такая картина: в тусклом свете «ЖБ» домика Александр Сергеевич в полупрубке и с прозрачной защитой, закрывающей лицо, осторожно несет пластину со слоем налитого ЖВВ к месту подрыва.

В конце концов, у нас все получилось, пластина после подрыва не развалилась на части и даже не деформировалась, и барельеф пропечатался, так что при не очень большом старании в нем можно было увидеть профиль Ю.Б. Пластину доработали на станке, придали ей форму книги (с тонким намеком на то, что произведение Ю.Б. читать дозволено не всякому, а только тому, кто имеет соответствующий допуск). И Козырев в свое время и с соответствующими комментариями вручил «портрет» юбиляру.

Итак, Харитон был первым, чей профиль запечатлен в виде барельефа взрывным способом, но далеко не последним. С тех пор было приготовлено множество взрывных барельефов только уже не с помощью ЖВВ, а с применением тонких слоев пластического ВВ. Но Козырев был первым!

На этом история с подарком для Ю.Б. не закончилась. Она имела продолжение, и снова с участием Козырева. Общественность сектора 3 сбросилась на подарок и получилась приличная сумма. Но тут же возник вопрос: что купить Харитону, у которого и так вроде бы все есть? В результате обсуждений пришли к выводу, что надо купить картину у какого-нибудь известного художника в Москве. Козырев до приезда в Саров имел связи в среде художественной интеллигенции обеих столиц, и эти связи у него сохранились, такие связи были и у Л. В. Альтшулера. Поэтому было решено отправить в командировку в Москву А. С. Козырева и Л. В. Альтшулера с заданием купить там картину для Ю.Б. А вместе с ними в Москву отправили и меня, потому что к этому времени я уже приобрел в секторе 3 некоторую известность (хотя проработал там всего около трех лет), правда не на научном поприще, а как «самодеятельный» художник.

В результате мы втроем отправились в Москву на поиски картины для Ю.Б. В Москве мы провели неделю, окунувшись в ее художественную жизнь, – мы побывали в студии у Ильи Глазунова на Арбате, в квартире Мартироса Сарьяна, у Алисы Порет и других менее известных художников.

Первый визит наша делегация в полном составе нанесла Алисе Порет, которая жила в это время в одном из переулков, выходящих на улицу Горького, рядом с Центральным телеграфом. Алиса Порет (1902–1984) «с французской фамилией и шведской кровью» (как это можно прочесть в Интернете), ученица двух знаменитых художников Петрова-Водкина и Филонова, близкий друг и муза Даниила Хармса, родилась и проживала до войны в Ленинграде. А. С. Козырев (тоже бывший ленинградец) тогда и познакомился с ней.

Мы провели весь вечер у Алисы Ивановны, разглядывали ее работы и слушали ее комментарии по поводу этих работ. Это были портреты, но, главным образом, композиции с изображением современников и давно умерших творческих людей – музыкантов, поэтов, ученых...

На одном полотне был изображен Бах – крупно, лицо во весь холст, сосредоточенный взгляд, а около щеки два маленьких ангела с трубами наигрывают ему что-то на ухо.

Еще мне запомнилось изображение Эвариста Галуа – знаменитого математика, убитого на дуэли по политическим мотивам; по словам автора, на его лице играют отсветы французской

революции. Он погиб в возрасте 20 лет, но успел заложить основы современной алгебры.

И все ее композиции были с такими же живописными присказками. Какой-то заезжий иностранец, посмотрев ее картины, сказал, что это «магический реализм».

В конце концов мы приобрели у нее портрет юной красавицы с развевающимися волосами. Но мы не были уверены, стоит ли это дарить Ю.Б. и продолжили поиски.

И вот через несколько дней мы вместе с Л. В. Альтшулером в сопровождении искусствоведа, знакомого Льва Владимировича, оказались у Сарьяна, в его маленькой квартире где-то на Арбате. Самого мастера не было, нас приняли его жена и племянница. Стали смотреть картины. Мне понравился один натюрморт, а Л. В. Альтшулеру и его спутнику – пейзаж в багровых тонах. Мнения разошлись, и мы не могли прийти к соглашению. Тогда решили спросить мнение хозяек дома; они поддержали меня, и в результате был куплен натюрморт.

Когда мы вернулись в Саров, было решено подарить Харитону натюрморт Сарьяна, а картину А. Порет – Я. Б. Зельдовичу, у которого в том же году тоже был юбилей – 8 марта ему исполнилось 50 лет.

МЕШКОВ Евгений Евграфович –
заведующий гидродинамической лабораторией,
доцент кафедры общей физики СарФТИ,
кандидат физ.-мат. наук